

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ИЗДАНИЯ К. ЛЕВИ-СТРОСА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

В 1983—1984 г. двумя издательствами были опубликованы переводы трудов французского этнографа Клода Леви-Строса, что можно считать началом более широкого знакомства нашего читателя с творчеством этого чрезвычайно интересного ученого. Раньше небольшие отрывки из его книги и статьи, ему посвященные, появлялись только на страницах специальных журналов и научных сборников².

Естественно, возникают два вопроса: почему именно эти книги избраны для публикации и почему все же столь значительный срок отделяет их первое издание от перевода на русский язык?

«Печальные тропики» (1955 г.) и «Структурная антропология» (1958 г.) — первые крупные работы Леви-Строса, хотя к моменту их выхода ему уже принесли известность статьи и эссе, посвященные социальной организации у индейцев Бразилии, в том числе «Семейная и общественная жизнь индейцев намбиквара» (1948 г.), а также книги «Элементарные структуры родства» (1949 г.), «Раса и история» (1952 г.).

Выход в свет «Печальных тропиков» подвел итог относительно краткому, но важному в жизни исследователя периоду сбора полевых материалов. Эта книга написана в форме путевых заметок и несколько беллетристична, но не надо забывать и о том, что почти два десятилетия отделяют ведение этого «дневника» от его публикации. Десятилетия, заполненные напряженным исследовательским и преподавательским трудом, создание школы сравнительной структурной мифологии, переезд в США и расширение сферы научных контактов, наконец, возвращение на родину. Поэтому не следует однозначно воспринимать «Печальные тропики» как публикацию экспедиционных материалов: становление структурного метода проходило уже в период работы над этой книгой. В том, как исследователь строит социальные системы племен кадзувеу, бороро и намбиквара отчетливо виден моделирующий подход и системное восприятие описываемого материала. Обратим внимание и на то, что выводы, сделанные в этой работе, самим автором в дальнейшем не пересматривались. Он зафиксировал и определенным образом интерпретировал факты, впервые в ней опубликованные, и впоследствии использовал их в других книгах: «Тотемизм сегодня», «Мышление дикаря», «Мифологии» и др.

Важнейшее значение для понимания творчества Леви-Строса имеет другая его ранняя работа — «Структурная антропология». Скомпонованная как сборник статей и очер-

¹ Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983; *его же*. Печальные тропики. М.: Мысль, 1984; *его же*. Структура и форма. Размышления над одной работой Владимира Проппа. Деяния Асдиваля. Как умирают мифы.— Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М.: Наука, 1985.

² Леви-Стросс К. Структура мифов.— Вопросы философии (далее — ВФ), 1970, № 3; *его же*. Из книги «Мифологичные. Сырое и вареное».— Семиотика и искусствознание. М., 1972; *его же*. Колдун и его магия.— Природа, 1974, № 8; *его же*. Миф, ритуал и генетика.— Природа, 1978, № 1; *Якобсон Р., Леви-Стросс К.* «Кошки» Шарля Боллера.— Структурализм: «за» и «против». М., 1975; *Алексеев В. П.* Структурный подход к проблеме бессознательного.— Природа, 1974, № 8; *Бутинов Н. А.* Леви-Стросс и проблемы социальной организации австралийских аборигенов.— Этнография за рубежом. М., 1979; *Грецкий М. Н.* Человек и природа в концепциях структурализма.— Природа, 1974, № 7; *Иванов В. В.* Клод Леви-Стросс и структурная антропология.— Природа, 1978, № 1; *Каграманов Ю. М.* Клод Леви-Стросс и проблема человека.— ВФ, 1976, № 10; *Медникова А. А.* Критический анализ идей и методов К. Леви-Стросса.— ВФ, 1971, № 11; *Мелетинский Е. М.* Клод Леви-Стросс и структурная типология мифа.— ВФ, 1970, № 7; *его же*. Мифологические теории XX века на Западе.— ВФ, 1971, № 7; *его же*. Структурная типология и фольклор. Контекст-73. М., 1974; *Трофимова Р. П.* Французский структурализм сегодня.— ВФ, 1981, № 7; *Филиппов Л. И.* Структурализм и фрейдизм.— ВФ, 1976, № 3.

ков, эта книга открывает период теоретических штудий и знаменует собой становление метода структурного анализа. Из ее 17 глав 15 представляют статьи, опубликованные ранее на французском и английском языках, а два «Послесловия» написаны в 1956 г. Разнородные статьи объединяет не тема и не материал исследования, а метод — выявление структуры в объекте.

Некоторые главы (II, V, XII и др.) целиком посвящены обоснованию такого подхода; в других, например в XI, разрабатывается метод и демонстрируется его применение; остальные являются законченными исследованиями, выполненными с соблюдением основных принципов структурно-семиотического подхода, хотя непосредственно ни о структурализме, ни о понятии структуры в них речи нет. В целом, «Структурная антропология» — результат творческой работы Леви-Строса в разных областях: социологии, религиоведении, искусствоведении, но это прежде всего необходимое теоретическое введение ко всем его последующим трудам, поскольку к описанию метода он позже не возвращался, а применяя его на обширном и разнообразном материале.

«Структурная антропология» имеет ключевое значение для понимания не только творчества Леви-Строса, но и в целом структурализма в этнографии. Не случайно В. В. Иванов в статье, представляющей читателю творчество Леви-Строса³, назвал эту книгу «структурной теорией этнографии» (с. 397). И отношение к ней, как правило, совпадает с восприятием структурализма в целом. Вероятно, этим и объясняется столь долгий путь первого издания «Структурной антропологии» до ее русского перевода, впервые опубликованного в 1983 г. и уже вышедшего вторым изданием в 1985 г. Прежде чем издавать эту книгу, ее надо было понять и принять. Для этого накопились существенные предпосылки в виде отечественной школы структурализма, прежде всего в литературоведении и фольклористике. Работы В. Я. Проппа (который полемизировал с Леви-Стросом в зарубежной печати), Ю. М. Лотмана, Е. М. Мелетинского готовили читателя к восприятию идей единства человеческого разума на всех этапах исторического развития и сопоставимости мифологических систем разных народов — центральных положений в творчестве Леви-Строса. Наряду с этим существует и сильное оппозиционное течение в науке, подчеркнем, не только в отечественной. Хорошо отражает аргументы и контраргументы сборник «Структурализм: „за” и „против”», опубликованный в 1975 г. Даже и сейчас, когда успехи структурной лингвистики и искусствознания доказали их познавательную ценность, полемика все еще не угасла.

Надо признать, что для этого есть основания: неоправданная абсолютизация структурализма; неправомерное расширение сферы его применения подрывают его авторитет. Тем важнее разобратся в его философских основах, что и делают авторы перечисленных в начале нашей рецензии статей. Лишь после серии такого рода публикаций стало возможно издание самой шумевшей книги.

Философское либо общенаучное обоснование метода не было осуществлено Леви-Стросом ни в этой книге, ни позднее. Однако уже в 1960-х годах структуралистское направление французской гуманитарной мысли, включившись в идейную борьбу с экзистенциализмом, обрело философскую основу в позитивизме. Благодаря специальному рассуждению, предпринятому французскими марксистами и советскими философами, удалось расчленить два уровня структуралистских работ — философский и конкретно-научный. Структуралистским разработкам в целом присуща непоследовательность философских позиций; при этом конкретные методики, созданные Леви-Стросом и его последователями, дают научно значимые результаты. Рациональное в методе определяется тем, что он представляет собой разновидность системного подхода. Специфика его заключается в выявлении внутреннего строения объекта посредством определенной процедуры его моделирования.

Представляется, что и спустя 25 лет после первого издания ценность опубликования «Структурной антропологии» по-прежнему состоит в ознакомлении читателей с генизмом оригинального научного метода. Отобранные Леви-Стросом статьи разных лет позволяют понять, как происходило становление его принципов и методик не только во временной последовательности, но и применительно к различным общим проблемам этнографии. Можно проследить и связь с различными источниками, и степень органичности предлагаемых автором методик для изучения явлений культуры традиционных обществ.

Последнее как раз представляет собой наиболее дискуссионный пункт в собственно этнографических выводах Леви-Строса. Оставим в стороне вопрос о том, почему к исследованию мифологических систем французский ученый применяет инвентарь бинарных оппозиций — исходя из удобства описания или из свойств описываемого объекта — и в том и в другом случае он вправе это сделать. Но Леви-Строс действительно считает дихотомическую классификацию присущей первобытному мышлению, а инвентарь оппозиций — запечатленным в сознании, первобытного человека в полном объеме. Как логика исследователя осуществляет восхождение от более предметных бинарных оппозиций ко все более абстрактным с усиливающимся противопоставлением, так принципиально тождественная логика позволяет первобытному человеку двигаться в противоположном направлении. По утверждению Леви-Строса, человек мыслит всегда одинаково, только разум его прилагался к разным объектам (с. 206—207). В этом принципиальная новизна его выводов по сравнению с предшественниками. — Л. Леви-Брюлем и Б. Малиновским.

Воздействие на исследователя достижений структурной лингвистики шло по двум направлениям. Первоначально, в 1940-х годах, — это в основном «лингвистическая аналогия» (Леви-Строс), или попытка исследователя распространить модели языковых за-

³ Статья включена в настоящее издание, речь о ней пойдет ниже.

кономерностей на сферу социально-культурных институтов первобытности. Параллельно с этим в 1950-х годах — выделение семиотического аспекта, объективно присущего культуре, с тем, чтобы понять, как ее строение связано с функционированием и воспроизведением.

Выбор тех или иных проблем этнографии в качестве объекта изучения определялся в значительной мере преемственным влиянием идей французской социологической школы в лице Э. Дюркгейма и М. Мосса. Многие из рассматриваемых Леви-Стросом явлений традиционных обществ трактуются им через призму таких категорий, как социальный институт и коллективные представления. И вслед за своими предшественниками во французской этнологии он рассматривает мышление носителей культуры в непосредственной связи со структурой эти явлений.

Пожалуй, во всех случаях — при изучении системы родства, социальной организации племени, семантики мифов, стилистического своеобразия масок, а также лечения, производимого шаманом, — предлагаемая автором модель внутреннего строения того или иного явления культуры позволяет понять и механизм воспроизводства его в традиционном обществе, и формы участия в этом самих туземцев. Процедура построения моделей при этом не претендует на установление причинных связей; моделируются лишь структурные связи, воссоздается скрытая от наблюдателя целостность, присущая явлению. Для этого Леви-Строс сознательно расчленяет и затем соотносит три уровня описания явления: 1) эмпирические признаки; 2) их трактовка со стороны носителей культуры (модели туземцев); 3) трактовка того и другого в конструируемой исследователем модели-структуре.

Знакомство советского читателя с настоящим сборником происходит уже после выхода в 1960—1970-х годах наиболее фундаментальных работ Леви-Строса — «Тотемизм сегодня» (1962 г.), «Мышление дикаря» (1962 г.), «Мифология», т. 1—4 (1964—1971 гг.) и «Путь масок» (1975 г.). В них на обширном этнографическом материале (преимущественно на материале культуры американских индейцев) была продемонстрирована плодотворность применения структурно-семиотических методик и был внесен значительный вклад в разработку таких проблем, как природа мифов и особенно первобытное мышление. Если принимать во внимание и работы 1960—1970-х годов, то можно указать на следующие логические составляющие метода: а) столкновение в семиотическом ключе идей французской социологической школы, в особенности идей Мосса о многоуровневости социально-культурных явлений; б) осмысление ряда представлений структурной лингвистики (о динамическом аспекте синхронии, о синтагматике и парадигматике и др.) применительно к тем контекстам, в которых изучаемое явление культуры бытует — возникает, варьирует, трансформируется; в) допущение того, что скрытая логика явлений культуры того или иного типа может быть отображена исследователем в моделях (структур), сходных с используемыми в фонологии.

«Структурная антропология» стала теоретической базой для создания в начале 1960-х годов новой научной школы во французской этнологии. Значительная часть разработок учеников и последователей Леви-Строса представляет собой непосредственное продолжение сформулированной им тогда проблематики. В творчестве самого исследователя «Структурная антропология» также имела продолжение, причем двоякого характера.

Во-первых, ее опыт — создать представление об основах метода и о возможности его приложения к различным объектам — был последствием дважды повторен: в 1973 г. вышел сборник статей «Структурная антропология. Вторая» и в 1983 г. — сборник «Взгляд издалека»⁴. Обе работы сходны по своему построению с изданием 1958 г. Означает ли название последнего сборника снятие претензии на создание новой научной дисциплины и признание того, что предлагаемый метод и достигнутые результаты принадлежат сфере этнографической науки?

Как уже говорилось идеи и методики, сформулированные в «Структурной антропологии», использовались Леви-Стросом в последующих работах. В первую очередь — методика выявления внутренних связей мифа, или его структуры. В «Структурной антропологии» эта методика блестяще продемонстрирована на примере известного мифа об Эдипе, неоднократно интерпретированного в европейской культуре (гл. XI). Оригинальность вывода о том, что миф трактует проблему «подобное рождается подобным или чем-то другим?» (с. 193) и доступность разбираемого материала привлекла к этому сочинению особое внимание критиков. Закономерно, что публикации Леви-Строса в нашей стране начались именно с этой работы⁵. В этой статье намечено, хотя и в конспективном виде, понимание природы мифа и механизма мифологического мышления, что составило главный предмет занятий исследователя в последующие 20 лет и воплотилось в книге «Мифологии».

Издание «Структурной антропологии» сопровождается тремя критическими статьями. Первая из них, написанная В. В. Ивановым, посвящена творческой биографии Леви-Строса; она очень информативна и особенно ценна тем, что ставит «Структурную антропологию» в научно-исторический контекст, указывая предшественников, сподвижников и преемников знаменитого французского ученого. Структурализм Леви-Строса предстает в ней закономерным явлением в развитии гуманитарных наук. Особенно удачно показано соотношение идей Леви-Строса с общими положениями структурной лингвистики и то влияние, которое оказало на него сотрудничество с математиком А. Вейлем

⁴ Lévi-Strauss C. *Anthropologie structurale deux*. P., 1973; Lévi-Strauss C. *Le regard éloigné*. P., 1983.

⁵ Леви-Стросс К. Структура мифов. — ВФ, 1970, № 7.

и лингвистом Р. Якобсоном. Когда в пылу полемиического задора исследователя объявляют то гениальным провидцем⁶, то бессовестным обманщиком, морочащим легковверных дилетантов⁷, особое значение приобретает такой спокойный и деловой экскурс в историю науки.

Несколько странной выглядит после этой работы дискуссионная статья Н. А. Бутинова, в которой Леви-Стросс разоблачается как одиночка-фокусник, гипнотизирующий весь мир своим бриколажем. Автор на протяжении всего своего сочинения развенчивает «миф о Леви-Строссе» (с. 466). Насколько ему это удается — судить читателю.

Автор третьей статьи, опубликованной в сборнике, Е. М. Мелетинский, берет на себя нелегкий труд краткого изложения основных идей обобщающего 4-томного труда «Мифологии» и осуществляет критический анализ системы мифологических образов, построенной Леви-Строссом. Тактично воздерживаясь от категорических оценок, он показывает практическую действенность метода бинарных оппозиций при построении модели мифа. Вместе с тем Мелетинский убеждает читателя в том, что, увлекшись действенным инструментом анализа, Леви-Стросс абсолютизирует его и приписывает сознанию первобытного человека такие противопоставления, которые не совместимы с целым рядом мифологических образов. Так, центральное место в мифологической системе Леви-Строса занимает оппозиция природа/культура, но в рассмотренном материале присутствуют сюжеты, в которых люди получают культурные растения с неба, а некоторые явления природы обязаны своим происхождением культурному герою (с. 509—510). Интересны также пояснения Мелетинского к идее медиации. Он раскрывает ее как последовательную трансформацию оппозиций от более резких к более слабым и конечное снятие противоречия путем введения промежуточного члена, обладающего свойствами обоих противопоставленных объектов. Таковы койот и ворон в противопоставлении травоядных плотоядным (с. 472).

Расхождения в оценке творчества Леви-Строса со стороны советских (как, впрочем, и зарубежных) специалистов объясняются различными факторами. Во-первых, недостаточной разработанностью у самого французского исследователя ряда ключевых положений в 1940—1960-е годы (некоторые из них получили дальнейшее развитие и конкретизацию в последующие десятилетия, а также в трудах его учеников и последователей). Кроме того, сложность рассматриваемых исследователем проблем, так же как сложность и оригинальность предлагаемых им методов, чаще всего вызывает неоднозначную оценку полученных результатов. Наконец, метафоричность изложения и терминологический эклектизм, присущий и «Структурной антропологии», может весьма затруднить понимание идей Леви-Строса. Особенно это относится ко всем случаям использования им философской терминологии. Разумеется, при переводе работ с языка оригинала на русский опасность неадекватного прочтения усиливается.

К сожалению, в переводе действительно обнаруживаются некоторые промахи. Приведем несколько из них. Так, на с. 28 читаем: «Переход от сознательного к бессознательному сопровождается восхождением (progresser) от частного к общему». В данном случае уместнее было бы употребить слова «продвижение», «переход», так как «восхождение» имеет в философии определенное терминологическое значение.

На с. 63 использование обиходного значения «разновидность» вместо философского «модальность» повело к утрате смысла. «...общественное сознание будет сведено к выражению на уровне индивидуального мышления и поведения некоторых исторических разновидностей универсальных законов». На с. 41 встречаем лишенное смысла словосочетание «общая тенденция квалифицировать установки», на с. 56 — «обобщественное мышление».

Перевод книги «Печальные тропики» также не свободен от некоторых погрешностей. Так, один из разделов III главы называется «Индийское общество и его стиль» (с. 78). Речь в нем идет о родстве, социальной организации и связанной с этим традициях и обычаях, т. е. характеризуется, хотя и не всесторонне, образ жизни одного из племен. Трудно согласиться с тем, что калька с французского *style* точно и полно передает соответствующее понятие по-русски. Но терминологическая точность не имеет для этой книги столь большого значения, как для «Структурной антропологии». Важнее свободный и образный, насыщенный метафорами язык, который в полной мере присущ переводу Г. А. Матвеевой. Топонимы и этнонимы выверены Л. А. Файнбергом, автором содержательного предисловия, рассказывающего о предыстории этой книги и о современном положении индейцев Бразилии. Это издание, снабженное также и комментарием, адресовано самому широкому читателю. Именно поэтому общие рассуждения Леви-Строса о призвании этнографа и перспективах развития этнографии в переводе опущены. Можно об этом только пожалеть.

Знакомство советского читателя с книгами выдающегося французского исследователя, очевидно, не ограничится этими изданиями. Хочется думать, что это лишь подступы к обширному творчеству Леви-Строса, наивысшие достижения которого относятся к 1960—1970-м годам. Подтверждает наши ожидания вышедший в 1985 г. сборник «Зарубежные исследования по семиотике фольклора», где первые три статьи принадлежат Леви-Строссу.

Открывает подборку статья 1960 г. — «Структура и форма. Размышления над одной работой Владимира Проппа». Это отклик на американское издание «Морфологии сказ-

⁶ Claude Lévi-Strauss: the Anthropologist as Hero/Ed. Hayes E. N. and Hayes T. L., 1970.

⁷ См. статью Н. А. Бутинова в том же издании; Fougerollas P. Contre Lévi-Strauss, Lacan et Althusser. Trois essais sur l'obscurantisme contemporaine. P., 1976.

«и» В. Проппа, в котором Леви-Строс дает обстоятельный критический разбор книги, справедливо подчеркивая как историческую преемственность европейского структурализма по отношению к русскому формализму начала века, так и принципиальные расхождения между ними. Его упреки Проппу в пренебрежении содержанием и отрыве сказки от мифа не оправданы, но советскому читателю тем более интересно ознакомиться с этой работой, что ответ Проппа на нее уже опубликован в сборнике его статей⁸.

По ходу разбора и в конце статьи Леви-Строс формулирует свои принципы анализа мифов: восприятие содержания и формы как аналогичных структур на разных уровнях, вычленение из текста не составляющих его элементов, а организующих его отношений и т. д. Его методика в действии показана в следующей из опубликованных в сборнике статей — «Деяние Асдиваля», тоже довольно старой его работе — 1958 г. Статья представляет собой анализ всех версий мифа об Асдивале, собранных Ф. Боасом у индейцев цимшиан тихоокеанского побережья Канады с целью выявления «некоей глупости и общей всем уровням логической структуры» (с. 35). Автору действительно удается интегрировать четыре схемы: географическую, космологическую, социологическую и техноэкономическую — и создать весьма экономное и полное описание глубинной структуры мифа, однако локальные варианты этой схемой не учитываются. Для того чтобы выявить и интерпретировать существенные различия в версиях мифа, нужно проделать весь обратный путь к дешифровке схемы, наполняя ее конкретным содержанием.

Самая поздняя из работ Леви-Строса, опубликованных в указанном сборнике, относится к 1971 г. Это небольшой этюд о формах бытования мифа в наши дни с полемическим заглавием «Как умирают мифы». Леви-Строс показывает, как заимствование мифа от народа к народу путем серии последовательных трансформаций превращает его в романтическую сказку или в легенду, связанную (пусть вторично) с реальной историей. Вполне понять его мысль в этой работе можно, только обратившись предварительно к «Мифологикам» или хотя бы к конспекту этого труда в статье Мелетинского, упомянутой выше, поскольку ни определения мифа, ни какой бы то ни было характеристики его сути, ускользающей в процессе заимствований, Леви-Строс в этой небольшой статье не дает. В данном случае он останавливает внимание на «органической непрерывности между мифологией, легендарной традицией и тем, что правильно будет назвать политической...» (с. 87).

Статьи Леви-Строса в сборнике «Зарубежные исследования по семиотике фольклора» выполняют роль обобщающего теоретического введения. Следующие за ними публикации А. Греймаса, К. Бремона, П. Маранды посвящены в основном более частным проблемам структурного анализа фольклора. Особенно интересно сопоставить работы Леви-Строса и статью А. Дандиса «Структурная типология индейских сказок Северной Америки», в которой автор стремится сочетать методики Проппа и Леви-Строса.

В целом настоящий сборник хорошо помогает ответить на дискутировавшийся до недавних пор нашими учеными вопрос о том, создал Леви-Строс научную школу или остался одинокой вершиной современного структурализма. Сборник работ фольклористов, которые следуют основным принципам структурного анализа, обращаются к тому же материалу, что и Леви-Строс, и периодически на него ссылаются как на основоположника и первопроходца, подводит к определенно утвердительному ответу на этот вопрос.

Предпринятые издания работ Леви-Строса в целом способны дать представление советскому читателю и о логике становления структурно-семиотического метода, и о возможности его применения к изучению различной этнографической проблематики. Ознакомление со структурным методом — это повод к постановке ряда новых методических проблем. Кроме того, публикации на русском языке позволяют ввести в широкий научный оборот некоторые из конкретных результатов, полученных французским этнографом.

Н. Я. Дараган, А. Б. Островский

⁸ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976 (см. статью «Структурное и историческое изучение волшебной сказки», с. 132—153).

НАРОДЫ СССР

А. И. Робакидзе. Сванети. I. Жилище и поселения. Тбилиси: Мецниереба, 1984. 117 с., XV табл.

Бытовая культура сванов — этнографической группы грузинского народа — все еще остается недостаточно изученной. Выход в свет монографического исследования, посвященного жилищам и поселениям Сванети, в известной мере заполняет существующие пробелы в исследовании этого круга проблем. Рецензируемая книга — итог многолетних исследований автора, а также его раздумий над вопросами общего характера — типологией и классификацией поселения и жилища, принципами их картографирования и т. п.